

Ночь постепенно сгущалась, и с неба то и дело срывались слабые хлопья снега.

Среди ослепительно белых гор есть лишь одно место, где снег не ложится, — горячий источник в глубине леса.

Температура там настолько высока, что снег, ещё не коснувшись земли, таял от поднимающегося пара.

Почти всё тело Цзян Шэня было погружено в воду, а пар мгновенно превращался в крошечные ледяные иглы на его волосах.

Он вытер лицо и тяжело вздохнул.

Ли Жуань лежал на знакомом месте у кромки воды, понурился, и жалобно произнёс:

— Жадный Цзян Шэнь...

Цзян Шэнь фыркнул:

— Почему я жадный?

— Чтобы не кормить меня, ты даже спрятался в воде! — жалобно провыл Ли Жуань. — Ну разве можно так?..

Цзян Шэнь: — ...

Он не прятался — он просто хотел искупаться и привести мысли в порядок.

Он почти открыл рот, чтобы объяснить, но, вспомнив уровень понимания одного маленького лисёнка — особенно касающийся всяких... сомнительных тем — решил, что меньше лисёнок знает, тем лучше.

Цзян Шэнь слишком хорошо знал своё тело.

Он с юности терпеть не мог развращённость и распущенность, встречавшиеся среди принцев, и всегда придерживался строгих правил. Можно было сказать, что он жил аскетично.

Не раз говорили, что он холоден и отстранён, словно не от мира сего.

Он не знал, уж «не от мира» он или нет, но точно знал одно: он никак не мог прийти в такое

состояние просто от того, что этот лисёнок пару раз на него наступил.

Значит... дело было в лекарстве.

Когда Ли Жуань рассказал ему, что А-сюэ дал народный тоник для восстановления энергии ян, Цзян Шэнь едва не подавился воздухом.

Так красиво назвать...

Возбуждающее средство.

Цзян Шэнь помассировал переносицу. Голова болела от одной мысли.

Похоже, этот так называемый старший оборотень А-сюэ совсем не выглядит благородным существом.

А маленький лисёнок всё ныл:

— Ты весь день болел, я о тебе заботился... и сегодня ты даже капли эссенции мне не дал! Ты лучше спрячешься в воде, будешь там её тратить впустую, чем позволишь мне хоть чуть-чуть поесть...

— Какой же ты жадный...

Голос был жалобный, почти плачущий — но ни одной настоящей слезинки.

Как показывает практика, даже оборотень, живущий сотни лет, станет избалованным, если его баловать.

Обычно, когда маленький лис так жалобно подвывал, Цзян Шэнь уже бы давно подошёл и успокоил его — и дал бы то, что тот просит.

Он никогда не мог быть строгим с этим существом.

Но сегодня он просто не мог его утешать.

Кто знает, что это было за зелье, но эффект оказался пугающе сильным.

Цзян Шэнь сидел в воде так долго — а оно даже не думало проходить.

Наоборот — становилось хуже.

Может, единственный способ — ...?

Цзян Шэнь прикусил губу и незаметно посмотрел на лисёнка.

Тот, уставший от притворства, лежал у края источника и тёр глаза лапками.

По времени — обычно они бы уже давно легли спать.

— Маленький лис, — как можно спокойнее сказал Цзян Шэнь, — иди в пещеру.

— А? — поднял голову Ли Жуань. — Почему?

— Ты ведь устал?

— Ну-у... — протянул лис.

Он и правда устал.

Короткое превращение в человека утром потребовало огромных сил от его истощённого тела, а сегодня он даже не посмел брать эссенцию Цзян Шэня — тот только оправился после тяжёлой лихорадки.

Предаваться игре он хотел, но есть у него и мысли о совести: даже если бы ему дали эссенции, он бы её не взял.

— Но...

— Ничего, — голос Цзян Шэня стал хриплым. Он был на пределе. — Я ещё немного искупаюсь и сам вернусь.

— Ты иди.

Ли Жуань не знал истинных намерений Цзян Шэня — у него в голове не было никаких хитростей, он никогда не сомневался в его словах.

Он лишь немного волновался.

Но очень хотелось спать: горячий источник был таким тёплым, что, если он не уйдёт сейчас, мог бы уснуть прямо тут.

Лисёнок колебался, вертелся на месте, сделал три шага, обернулся:

— Тогда я... уйду? Правда уйду, ладно? Ты точно не потеряешь сознание и не утонешь?

— Нет, — Цзян Шэнь едва удерживался, чтобы не сорваться.

Когда ярко-красная тень исчезла из поля зрения, он наконец позволил себе опустить руку в воду, с удивительной жадностью цепляясь за тепло.

Спустя минуту в глубине леса послышалось плескание — пар полностью скрывал его фигуру.

На следующий день Ли Жуань позвал синицу и рассказал ему о просьбе Цзян Шэня.

Синица помогать не хотела. Долго спорили, и лишь когда Цзян Шэнь — под надзором маленького лиса — дописал в письме строчку:

«Пусть хозяин ломбарда приготовит самое вкусное и изысканное угощение и щедро накормит посланца», — только тогда было достигнуто соглашение.

Ломбард, в который Цзян Шэнь велел доставить письмо, назывался «Гуаньхун» — крупнейший в восточной части столицы.

Перед тем как синица улетела, Цзян Шэнь даже выписал на бумаге название, чтобы та запомнила.

Но в этом не было необходимости.

Хотя синица не умела говорить и читать, она часто летала в столицу, и прекрасно помнила этот ломбард: он стоял на самом людном перекрёстке Восточного города.

Когда синица прилетела в столицу, было ещё рано.

Улицы были почти пусты: зимним утром люди выходили редко.

Но лавочки с завтраками уже открывались: по переулкам тянулся тёплый аромат еды, белый

дымок поднимался над паровыми корзинками — то, чего в горах Чанмин не сыщешь.

Синица быстро добралась до Гуаньхуна.

Приземлившись на пороге, она клювом постучала в дверь.

Изнутри раздался голос:

— Кто там? Не открываем ещё! Приди через час!

Синица продолжила:

— Тук-тук. Тук-тук.

— Ты что, языка человеческого не понимаешь?! — проворчал парень, распахивая дверь.

Синица вспорхнула внутрь и приземлилась на столе в зале.

Лёгким движением лапки бросила письмо с белой нефритовой подвеской.

Парень — подросток с милым детским лицом — остолбенел и быстро захлопнул дверь.

— Что там за шум с утра? — из внутренней комнаты выглянул хозяин.

— Хозяин, хозяин! — парень указал на птицу и на нефрит. — Эта птица... принесла вещь!

Лицо хозяина мгновенно изменилось — он поспешил взять подвеску, долго рассматривал, затем раскрыл письмо.

Подмастерье тем временем ткнул пальцем в синицу:

— Какая забавная птичка. Она что, вместо почтового голубя?

Синица раздражённо шлёпнула его крылом по пальцу.

Хозяин на них не обратил внимания. Он быстро прочитал письмо, затем аккуратно спрятал:

— Письмо от господина. Сегодня не открываемся. Ты — со мной. Едем за город.

Парень кивнул. Они уже выходили, когда синица громко чирикнула им вслед.

Хозяин опомнился:

— Принеси из кухни немного риса. Покормите этого маленького посланника.

Вот так-то.

Синица без стеснения взлетела на плечо парня и удобно устроилась.

Еда — это святое.

Похоже, план Цзян Шэня действительно сработал.

С того дня ни один чужак больше не пытался проникнуть в Чанмин,

по крайней мере А-сюэ больше не появлялся с трупами — значит, никого он не ловил.

Жизнь снова стала спокойной.

Так прошёл примерно месяц.

И вот в один день синица снова прилетела с письмом.

После первого успешного поручения Цзян Шэнь понял, насколько полезна эта маленькая птица, и договорился с ней о долгосрочной доставке писем.

Условие было простым: ломбард построит для синицы гнездо и будет каждый день оставлять свежую воду и еду — чтобы она могла в любой момент сытно поесть.

В этом году синица не улетела вместе со стаей, а зимой в горах очень трудно найти пищу.

Обычно ей приходилось летать в ближайшие деревни или города, чтобы хоть что-то раздобыть.

А тут — иногда можно получить роскошный обед всего за клочок бумаги в клюве.

По мнению синицы — выгодная сделка.

По крайней мере, она так думала сначала.

Но вскоре оказалось, что Цзян Шэнь писал мало писем, а вот ломбард стал отдавать обратно всё больше и больше.

С маленьким мешочком в клюве синица влетела в пещеру, выплюнула его и обессиленно плюхнулась на пол.

Письма рассыпались по камням, а сама она лежала у огня на спине, дрожа всеми лапками:

— Если в следующий раз будет столько... я никуда не полечу!

Синица не умела говорить по-человечески.

Но Цзян Шэнь по её чириканью примерно понял смысл. Он отломил половину печёной сладкой картофелины, подал ей и тихо сказал:

— Тсс... маленький лис спит. Не разбуди.

Сказав это, он оглянулся.

Маленький лис свернулся в пушистый шарик и крепко спал на его маленькой кровати.

С каждым днём становилось холоднее, и лисёнок спал всё дольше.

Если он не высыпался, то весь день ходил сонный и не любил выходить наружу.

К счастью, они заранее запасли много еды, поэтому голод им пока не грозил.

Но Цзян Шэнь всё равно немного беспокоился.

Он никогда не слышал, чтобы лисы впадали в зимнюю спячку.

Однако, хотя лисёнок спал долго, просыпался он бодрым, не кашлял, не хромал, не выглядел больным — поэтому Цзян Шэнь решил не тревожить его.

Синица доела картофель, встрепенулась и улетела.

Цзян Шэнь начал разбирать принесённые письма.

Люди из ломбарда не хотели усложнять жизнь птице — просто Цзян Шэнь отсутствовал

слишком долго, и скопилось множество срочных дел.

Сейчас — время больших смут: волнения при дворе, соперничество принцев, перемены в уделах вассальных князей.

Ни одного письма Цзян Шэнь не мог игнорировать.

Он видел, что в ломбарде уже изо всех сил старались сокращать и упрощать сводки.

Если бы он был в столице, писем было бы втрое больше.

— Синица уже была здесь? — раздался голос за спиной.

К нему прижался тёплый пушистый комочек. Цзян Шэнь отложил письма и потрепал его:

— Проснулся?

— Всё ещё хочу спать... — лисёнок был настолько сонный, что едва держался на лапах. Если бы Цзян Шэнь не поддержал его, он бы свалился прямо в костёр.

Он поднял его на руки, прижал, погладил за шею:

— Ты голоден?

— Устал... — лисёнок уткнулся мордочкой в грудь Цзян Шэня. — Хочу немного эссенции...

— Хорошо, — мягко сказал Цзян Шэнь, — ешь.

Лисёнок дважды потерся об его грудь и, вероятно, уже начал поглощать эссенцию.

Цзян Шэнь погладил его по загривку, по спине и тихо спросил:

— Это потому, что твоя мана всё ещё не восстановилась?

— Наверное... — пробормотал Ли Жуань. — Раньше такого не было.

Потом недовольно добавил:

— Всё потому, что ты не хочешь заниматься со мной двойной практикой...

Его голос был таким сонным и тихим, будто он говорил на грани сна, даже окончания слов расплывались.

Цзян Шэнь очень не хотел видеть его таким.

Лисёнок, которого он знал, был живым, ярким, озорным — полным сил.

А сейчас...

Только поглощает эссенцию каждый день.

Но ведь этого всё равно не хватает, чтобы полностью восстановить силы?

Цзян Шэнь тихо вздохнул.

Его мысли не изменились: одно дело — переживать за лисёнка, и совсем другое — соглашаться на двойную практику.

Как бы он ни беспокоился, он никогда не согласится на двойную практику с маленьким лисом.

Человек и лиса — это же нелепо.

Не говоря уже о том, что он — лиса. Даже если... даже если этот маленький лис смог бы стать человеком...

Дойдя до этой мысли, Цзян Шэнь вдруг замер.

Если бы он смог стать человеком...

У лисёнка такой чистый, звонкий голос — если он примет человеческий облик, то станет, наверное, юношей лет семнадцати-восемнадцати.

С яркой улыбкой, с блестящими глазами, с румянцем, похожим на красную шерсть его звериного тела.

Лисёнок больше не шевелился — кажется, снова уснул.

Цзян Шэнь опустил взгляд на уютно устроившееся существо в его руках — и почти неконтролируемо продолжил фантазировать.

Какой у него будет рост?

Конечно, не выше самого Цзян Шэня — максимум до плеча.

Но если его маленькие лапки станут руками... то они будут тонкими, белыми, их можно будет обхватить одной рукой — и кажется, будто стоит чуть сильнее сжать, и они сломаются.

Но нет, его лисёнок точно не будет таким хрупким.

Цзян Шэнь видел, как маленький лис сражается — в этом невзрачном теле скрывается немалая сила, ловкость и резкость.

А если он побежит по лесу в человеческом облики... одежда взметнётся за ним, обрисует тонкую талию...

Цзян Шэнь резко очнулся.

Что он только что думал?!

Сердце колотилось так, что казалось, вот-вот выпрыгнет.

Хотя стояла глубокая зима, спина была покрыта горячим потом.

Он прижал ладонь к груди, пытаясь унять это странное, беспокойное биение.

Такое сильное смятение он чувствовал впервые за свои двадцать с лишним лет.

И всё это — из-за какой-то нелепой фантазии.

Цзян Шэнь глубоко вдохнул и медленно выдохнул, пытаясь успокоиться.

Лисёнок всё ещё спал в его объятиях.

Цзян Шэнь, придя в себя, взял его за ушко и слегка пощёлкал, будто наказывая.

— Это всё ты виноват, — тихо сказал он. — Каждый день твердишь про двойную практику, вот я и стал ненормальным. Путаешь душу. Плохой лис.

Лисёнок шевельнул ушами, но даже не проснулся — спал мирно, счастливый и безмятежный.

После такого потрясения Цзян Шэнь уже не мог читать письма.

Он осторожно перенёс лисёнка в его гнездо, сам лёг на свою постель.

Огонь в очаге угасал, пещера постепенно погрузилась в темноту.

Цзян Шэнь ворочался, слушая шорох сухой травы — спать было невозможно.

Как только мысль появляется, даже самая маленькая, она становится семечком.

И семечко начинает медленно пускать корни в глубине сердца.

Он снова повернулся и посмотрел в темноту.

В слабом отблеске умирающего огня видно было лишь размытый шар — спящий лисёнок, который даже тихо посапывал.

Да, совершенно беззаботный.

Цзян Шэнь снова перевернулся, снова — и снова.

Шорох тревожил тишину долгое время.

Пока наконец он не сел.

Он вытер лицо ладонями, встал, накинул верхний халат и вышел из пещеры.

В ту ночь Цзян Шэнь просидел перед входом всю ночь.

<http://bllate.org/book/14444/1277231>